

Никто не читает предисловий, но этот сборник требует пояснений.

Начнем с того, что я никогда не считала себя поэтом — мне это слово всегда казалось очень тяжеловесным, бронзовеющим, несущим в себе Пушкина и нерукотворные памятники. А я? Стихи стали для меня сублимацией, способом объясниться, написать письмо, ничего не сказать прямо.

В этот сборник вошли стихи за 20 лет: с 2002 по 2022 год. Я не веду дневников, и для меня это лучшая хроника — я помню, как, когда, где, с какими чувствами писала тот или иной текст. Точнее — записывала. Потому что стихи — это гул. Иногда в этом гуле попадаются чужие строчки, иногда аллюзии, иногда ты слышишь звон, и не знаешь, где он — а через 10 лет понимаешь, о чем написала.

В 2002 году мне было 16. Я сохранила датирование, чтобы вы увидели, как меняется текст, какую эволюцию проходит чувство — от восторга до злости, от нежности до страсти, от сожаления до надежды.

Если вы ищете какую-то смысловую нагрузку в расположении текстов в пространстве этого сборника — ее нет. Я сделала это намеренно: поскольку я никогда не хранила все свои поэтические тексты в одном месте, мне пришлось собирать их по всем углам и закоулкам — по обрывкам тетрадей, блокнотов, на страницах давно заброшенных соцсетей и в удаленных электронных письмах; и в каком порядке я их обнаружила — так они сюда и попали. Не хочу, чтобы какие-то искусственные смыслы или композиции отвлекали от течения времени и слов.

Стихи имеют свойство течь, и нужно открыть им шлюз.

**Внутри
я плачу
(2002 – 2011)**

* * *

что в твоих руках такое, чего нет в других,
чему подчиняются пуговицы и рули?
чем ты таким ворочаешь в моей груди
черные несгораемые угли?

что в твоём взгляде, откуда искры летят,
и как мое сердце закрыто тобой в блокпост,
и как ты внутри меня поместилась вся
во весь человеческий рост?

что ты там делаешь, мне проще с ума сойти,
что все перепонки зажало между костями,
не иначе как хочешь вон из меня уйти,
путь прокладывая локтями.

что ты сказала или не было ничего,
почему мой врач не пришел за меня болеть,
под глазами протерлось розовое сукно,
а могло бы и заржаветь.

и мои вторженья подобны насилию и грабежу,
так и живу по инерции рядом и не по средствам.
а что до соитий — так я ежедневно в тебя вхожу
каждым своим идиотским текстом

2011

I

По утрам нет вестей от Бога и из Флоренции.
Август с грохотом лезет на полку календаря,
чтобы видеть сны во весь свой живот и сердце,
я держу под подушкой комплект твоего белья;
твое белье —

чтобы слышать во сне твой запах: мой знаменатель.
Поливалки с кабацким шумом ругают ночь,
и тот фильм идиотский третьего дня в прокате,
о том, что им, кажется, все-таки не помочь,
и это вранье.

Я рисую: входи в меня, дверь отпирается твоим ключом,
и чайник кипит, и воздух такой, что чаю —
самое время, и солнечный свет включен,
и я тебя каждое утро к себе вращаю
с самой Землей.

II

Осторожно закрываю глаза, и вот — ты сидишь внутри.
А снаружи электрички носятся, собаки лают.
И часы картавят: один, два, три,
а в четыре — уже светает.

Вечерами здесь так холодает, что скрипит в зубах
этот воздух оранжевой сумеречной скорлупой,
и твоя Италия смотрит из всех рубаш,
и из всякой кухни с томящейся джезвой.

И так хочется спать, что стоит закрыть глаза,
и снабдить этот тихий текст заводным подкастом.
А из леса, на небо чертового колеса
солнце влезает и смотрится вниз с опаской.

2009

Мой белый

Когда я снег соберу в ладони,
когда я перестану чувствовать холод
я буду в черном, подобно вороне,
а ты будешь в белом, и, видимо, молод
когда я дожди соберу по капле,
когда для меня перестанешь значить,
я попрошу меня ведьмою черной
по неизменному благу назначить
когда я войду в твои белые стены
когда я оставлю следы на паркете,
тогда, наконец, я останусь довольна,
что хоть на минуту меня ты заметил

2002

На старт, внимание, маршем уходит год — от лета —
туда, где уже виден снег;
и глухой испариной дымится земля, и щекочет
горячий рот,
и ты мне не пишешь: а как?
Телефон неисправен.

Ну, ничего — затянет, заноябрит; у жителей
наших широт будет солнечный голод. И я не
смогу не заметить, что не горит, но жжет где-то
там,
должно быть, на уровне горла:
увидеть тебя, присвоить тебя плечом,
да видит мой черт — я не обещала держаться.

О чем я тут в строчку? Да, в общем-то, ни о чем.
Такие погоды: не очень-то тянет смеяться.
Выходит, что Лондон с лицом запотевшего
зеркала в бане: то жар от витрин, то туманные
диалоги из Happy English.
И все время кажется, что дырку прорвало
в дамбе, и она
нарывает Темзой.
А у меня тут финиш.

2010

* * *

Время гадать на гуще, цедить пастиг,
глобус — в плену затвора твоих ресниц;
ты, если можешь, до пятницы мне приснись,
иначе я здесь совершенно сойду с ума.

Утром — по кофе, по слову, по СМС,
вечером — кто-то несчастный под кожу влез,
ходит и ходит там, и не находит места,
ему там приют — придуманная тюрьма.

Знаешь, мой милый друг, здесь пустые лица,
ты по маршруту Москва, с пересадкой Ницца,
пока я, как на собаках, одну столицу
меняю плацкартами втридорога на другую.

Вот ты из Монако пишешь: улитки, вкусно.
Я здесь натираю в щепки «Брюссель» капустный,
и время полощет вены, как «Черный русский»,
и я без тебя по-прежнему не могу.

2011

Октябрь — и вещи уже на балконе совсем не сохнут; время кольцует, смеется, делает нас большими, и снова такая осень, что проще сдохнуть, чем отпустить со словами «но ты пиши мне».

Но ты пиши мне.

Я буду фоток твоих охранником или вором, маячить по холоду нашей любимой Бронной, и пальцами помнить пульс в углубленьи горла, и то, что деревья ночные становятся морем.

Становятся морем

на стенах, подушке и тихих спинах, мосгаз с мосэнерго дадут нам угля — согреться, какая холодная будет зима, мне уже противно, какая дурацкая будет весна, мне уже не спеться,

не спеться

ни с кем, как с тобой. И приходит нежить, «останься со мной» — это тоже совсем из тех романов, где по страницам немим кортежем шатаются фразы вроде бабочек в животе.

Бабочек в животах —

не бывает. Там бьются вены, качаются лейкоциты, стучит наковальня желудка, скрипит напалмом. Я знала: мои ладони полны магнитом, а ты — железом. И нас срывает, и прямо на пол.

И прямо на пол

все падает с гулким грохотом, скрипом, лостом. Проверь меня временем, медными трубами, долгим стажем, на прочность и верность, на соответствие разным гостям, поверь мне, что так еще не было. Так же — страшно.

2009

Для чтения

в самолетах

Мой небожитель, я думаю о тебе, начиная снизу,
расстегиваю мысленно по миллиметру шелковое,
и буквенно, литерно мантры губами считываю
каким-то стамбульским, горячим, несдержанным шепотом.
И в эти минуты, я даже по чести не скрою —
я вся разделяюсь на макро и чуточку микро,
горят остановки Парижа, леса Подмосковья.
и дрожь в перепонках ревнивым и жадным пунктиром.
Любить тебя датами, фразами, сетью звонков,
клеймить их по памяти острой строкой на хитоне.
Янтарные пуговицы солнечных позвонков
считать, накрывая лимериком, словно ладонью.
И выучить наизусть. И чуть позже — подохнуть.
Когда станет ясно, что все это — сплошь иллюзии.
Мой небожитель, я пишу о тебе столько строк,
сколько рукам по закону положено думать о Музе.

2007

В объятых тумана
заперто небо.
Медной тарелкой свисает
луна.
У входа в метро
ты стояла вся в белом,
тебя окружала кольцом
тишина.
Я вышла навстречу —
минута в минуту.
С волнением в сердце
и Сартром — под мышкой.
Ты ощущала себя королевой,
я — дерзким и очень наивным
мальчишкой.
Взъерошила челку
холодным касаньем —
сегодня ты —
Снежная Королева.
А я буду Каем. Я жду приказаний.
Я буду белее тебя или мела.
И так мы светились
на тёмных проспектах,
что думали люди —
неоновый свет.
Что думали люди:
наверно, реклама.
Похоже, осколки и брызги
комет.
Луна исчезала
в глубоком полёте.
И мы — недвижимо —
любили друг друга.
И Сартр в матовом переплёте
внезапно выпал вон из рук.

2003

* * *

Во Франции говорят: у каждой женщины должно быть опасное черное платье, узкие запястья, выгоревшие волосы. Говорят, у каждой — должен быть муж, чтобы врать ему, в руках — платина, и бронза — в голосе.

Во Франции говорят: у тебя что, нет любовника? (Следует переводить: ты что, никого не любишь?)
Во Франции женщины челку стригут так ровно, чтобы она равнялась с линией железных крыш.

Во Франции говорят: ври, пока есть о чем, оставляй чаевые, гони на последние в Ниццу. Они улыбаются, щурятся до морщин — и солнце тут ни при чем, просто им нравится чувствовать мышцы.

2008

Моя дорогая!
Здесь солнце масляно
И выглядит, как фитиль.
И, обжигаясь об море,
Нетерпеливо гаснет.
Здесь чайки рубят
Перчатками полосу
Горизонтальную;
Самоубийца-жук на краю кормы
Ожидает казни.
И странным волком
Гудит волна,
И рефреном звонким
Бьется якорь надежный
О дебаркадер.
Небо падает грудью
На воду, теряя маяк —
Мигающий и остроносый —
В ладонях заката.
Моя дорогая,
Здесь нет моряков.
И пассажиры на палубах
От безделья маются.
А мне отчаянно в этом
Безбрежном роуминге
Тебя не хватает —
Каюсь

2006

* * *

почему я не там где ты розовеют стекла уже утро
и скоро будильник команда голос закрываю глаза
твои пальцы я помню все как вчера и не отпустить
бесполезная опция

забывать у меня никогда это не выходило
представляешь чего там только не накопилось
уже солнце идет и держится за перила доброе утро
любимая что тебе снилось

я увы не спала и к тому же болело горло да к черту его
мне наверное девяносто но я как представлю манжеты
запястья ворот такое кино можно снять осторожным
кроссом

эти ветки бегут по стене у меня морская болезнь
или как объяснить тот факт что во мне таблетка
я какое то странное существо ну а ты такая что меня
уже не спасти ни за что но лето

скоро будет осталось недолго право всего-то пара
недель и я увижу как ты забираешься в море коленки
сплавов самых прекрасных линий все ближе ближе

2009

* * *

эта осень не поддается органам чувств:
просыпаюсь как по будильнику — тебя хочу.
не хочу волочиться следом, но волочусь;
по-другому и не бывает. такое бешеное

время — полно обещаний на послезавтра,
я уже персонаж, и жаль, но совсем не автор.
эта осень листья слизывает на завтрак,
как собака, когда положишь ей в миску свежее.

утро влажное, что-то капает, тянет лоб
прижимать к основанию твой позвоночный столб.
все запотело внутри: как калейдоскоп
белья в барабане машины, что лень развешивать.

2010

* * *

все однажды кончается: море — сушей,
жара — дождем, улицы — тупиками.
не смотри на меня — у меня нет лица, и слушай,
слушай ту тишину, что выросла между нами,

что съедает мой рот, и звуки, и голоса,
и уже ничего не слышно — и мгла слепая,
впрочем, жаль, что уже не видима полоса —
та совершенно сплошная, и та — двойная.

это все как рубеж, как новенький поворот,
как предел, как царапины от колец.
ты прости, что так долго тянула. скорее вот:
что так долго оттягивала конец.

и не то чтобы я дурак, или ты — дурак,
и не то чтобы я виновата, и ты — местами.
просто это та широта, долгота и мрак,
что на нашей карте не значится между нами.

значит, это предел. значит, я потерпела крах,
значит, я не смогла, не выдержала пути.
значит, я слабак. значит, здесь. и пусть будет так:
отпускаю тебя и руку твою: иди.

2010

П.К.

Имя твое впечаталось в губы
Фатально.
Шепчу его даже во сне —
В два удара по нёбу.
Сжимаю и пальцы, и зубы,
Чтобы не плакать.
Когда ты — навстречу,
Сердце ломает рёбра.
Но чувствую прочно:
Я не имею права
Врываться в твое сознание.
В кожу. В график.
Как только признаюсь —
Ты подаришь мне барабан,
Чтобы я колонну возглавила
Идущих на фиг.

2005

* * *

забывается все: ключи, кошелек и зонт,
все проходит мимо, стирается суть прицела,
пропадает из виду, уходит за горизонт —
привет пограничному офицеру

цель въезда? бесцельно — это последний шанс
прошу убежища или хотя бы пристань.
языка не знаю, мне хватит и пары фраз:
какие у вас в меню есть коктейли с виски?

голова мне жмет, я расту, и она — мала,
посмотри на меня напоследок: могла б гордиться,
чем я так тебе не пригодна, не хороша,
почему ты мне не хочешь принадлежать
и со мной водиться?

человек так слаб, а соблазн как всегда велик.
человек вообще мудака и не моногамен.
есть такая дурная привычка ее любить —
путаться под ногами

2011